

ЗНАКОМЫЙ НАМ ЯЗЫК АНТИУТОПИЙ

***

через Чёрные Земли до истинного Исапа
грунтовку через
спешиться у воды увидав внезапно
коровий череп

постоять у реки исчезла как всё живое
рогов обломки
призрака скота у призрака водополя
чей взгляд глубокий

через поле не убранной вовремя кукурузы
срывать початки
сравнивать облака что плывут медузы
в берёзовые посадки

что мы делаем здесь находим ячейки воска
от прежних пасек
и пока зимы на всём не лежит извёстка
и свет как праздник

мы берём с собою обломки эти
круша пустоты
и несём для памяти против смерти
чужие соты

***

И когда отражается музыка (звук в окне),
и когда приближается нежность (его ко мне),
и когда остаётся шаг, предпоследний шаг,
что же ты делаешь, дура, моя душа,
что же ты делаешь?

– Время, на что похоже твоё «сейчас»?
– На упущенный шанс.

Звёзды на уровне глаз, на уровне тьмы.
Пространство – запрет сплошной.
Не получается «мы»
и не нужно со мной.

Потому что уже не получится, не случится
(не начинать же то, что нельзя продолжить).
Но и в нежности есть отрицательная частица.
Я тебя тоже.

***

я не того боюсь
и не держусь за связь
Господи я сдаюсь
вот я уже сдалась

ношпа ли с головой
ношпа ли тяжела
можно мне жизнь другой?
я не свою жила

я не хочу теперь
пробовать и терпеть
ждать окончания дна
я у себя одна

я не умею цель
мне надоело быть
есть только кнут и цепь
можно ещё продлить

(хочешь поправишь ок
правильно ремешок)

время к руке ремнём
привяжем но не вернём

***

Стекло хранит царапины (а след
от поцелуя долго не хранится)
и равно пропускает тьму и свет.
Я не стекло, но я боюсь разбиться.

Боюсь, что не смогу себя собрать,
поэтому, наверно, избегаю
людей, любви, всего, чего не знаю
и чем могу пораниться опять.

Но и стекло, не убоявшись молота,
смертельным может быть, когда расколото.

***

день – теплынь
дом – белить
чтобы ещё светлей
от гасимых свойств
белые кляксы извести на земле
похожи на брызги звёзд

перед ними ограда яблоня и рябина
много мячей зелёных сетка без игрока
красные точки горько но не обидно
не всякая так горька

а когда полетел над ветками поздний час
чёрный вороний капсель
я стяхнула кисть но белый не весь погас
попало несколько капсель
туда где небо

***

Это не город, а частный сектор,
публично повешенное бельё.
До последней воды выкручивает соседка
постельное и своё.
Невольно, но подглядишь – просвечивают дворы.
Что там? Строительный хлам,
мусорные дары –
русский стиль «Сделай сам».
На вопрос «Из какой ты дыры?» –
все из одной, сестра.
Эти здания были отданы под торговлю,
этот воздух – рекламным вывескам.
Если мир – театр, то сколько довольных ролью?
Больше всего в любительском.
Что ещё? Вещевой овощной
рынок, где пахнет рыбой.
Пивной магазин «На дне».
Жизнь как табличка на входе, словом «закрыто»
повернутая ко мне.

***

Отпросилась с работы пораньше и вышла, чтобы
не выражать при всех, оголяя нервы.
Лучше с железной крышкой – не нужен штопор.
По дороге закончился вермут.
Человек отвергнут – это когда всё ясно,
а когда невозможно – это уже другое.
Делая выбор, останавливаюсь на красном,
и обязательно недорогое.
Через шпалы, мусор, стройку, заборы, дебри,
по Защитной, по Карла-Маркса, по незнакомой,
можно долго идти, можно считать потери,
можно смотреть в окна чужого дома,
можно вернуться поздно и лечь с рассветом,
только нельзя с тобой говорить об этом.

***

каждый вечер приезжаю на закат
посмотреть как начинается темно
люди любят поворачивать назад
люди смотрят свою память как кино

каждый вечер приезжаю на закат
посмотреть что изменилось (ничего)
люди знают но признаться не хотят
одиночество – свобода одного

***

Ползимы ползём вопреки и вдоль
(всяк свою тоску приручить изволь),
по холодным холмам крахмала.
Как говорит дорога, не сыпьте соль
мне на раны, меня достало.

Что до зимней кухни, ещё мука,
и сравнений ряд завершим на этом.
Дети слепили белого ходока
и воткнули в него режущие предметы.

Так и я стою с улыбкою напоказ,
сдвинуться не могу, как бы этого ни хотела.
И течёт вода из пуговиц серых глаз,
посреди зимы, простора и беспредела.

***

При загрузке данных произошла ошибка.
Окружающий мир прогрузился до половины,
но и в ней, легко догадаться, черты упадка.
Что не весь кирпич разнесли по домам с равнины,
то как будто из чувства лени, для большего беспорядка.

Подключая сеть, проверьте, что вы не рыба.
До ближайшей вышки пена от волн сигнала,
эту пену за облака выдаёт хрусталик.
Река себя исчерпала,
на камнях блестит чешуя от хвостов русалок.

Ворон кричит «ура» под выхлопные залпы.
Вы находитесь здесь вопреки асфальту, его руинам,
здравому смыслу – навигатор так и сказал бы.
Маски в траве остались от карантина.

Мысли о прежней жизни несовместимы с жизнью.
Время – садист, оно отрывает крылья
мельницам деревянным, как мальчик мухам.
Загрузка завершена. Но из всех вкладок, что мы открыли,
мы ни в одной не говорим друг с другом.

***

Белеет одинокий, но не парус,
от ужаса, что жизнь предрешена.
Как музыка – чередование пауз,
так человек – сплошная тишина.

Обломится, но держится для вида,
так дерево не знает слова «крах».
О чём поёт последняя обида?
Но нет необходимости в словах.

Теперь забыть, кто рядом был, кто выбыл,
кто рухнувших руин не поддержал.
И если счастье есть, то это выбор –
не помню кто, но правильно сказал.

МЫ

Руины, запустенье, тьма и топи,
мыс Мусора и море ржавых волн.
Знакомый нам язык антиутопий.
Кому грозит законный произвол?

Кто мёртвым был, тому не стать мертвец –
мы счастье покупали на разлив,
в заводе «Смерть» вставляли за конвейер,
сажали в землю кости и росли.

Работали и думали: «Когда
не станет бесполезного труда,
тогда и жизнь». Но жизнь не наступала.

Кто беден был, тот стал ещё бедней.
Но жалко не упущенных вещей,
а перспективы, светлого начала.

Руины, запустенье, тьма и тьма.
В земле себе мы вырыли дома,
чтоб к кости кость, а череп для пшавы.

И думали, что, избежав цепей,
мы станем и счастливей, и честней,
наступит жизнь. Но жизнь не наступала.

Тогда мы разуверились опять.
Нам кроме крови нечего терять
и кроме обустроенной трясины.

И мы взорвали землю, но под ней
увидели не чёрта и червей,
а наш привычный ад неугасимый.